

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Диана УДОВИЧЕНКО

**ЗНАК
ПОТРОШИТЕЛЯ**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У31

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета
использована работа художника *О. Горбачика*

Удовиченко, Диана.
У31 Знак Потрошителя : [фантастический роман] /
Диана Удовиченко. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-88316-5

Кровь и ужас, жертвоприношения и древние ритуалы. Трупы женщин в холодных подворотнях. Это добрая старая Англия — эпоха Джека Потрошителя. Именно сюда из нашего мира забросила офицера ФСБ Данилу Платонова охота за опасным преступником. Но теперь ему придется преследовать самого загадочного маньяка в истории человечества. Английские манеры, английские убийства, английский черный юмор. Узнай, кто скрывается под знаком Потрошителя!..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88316-5

© Удовиченко Д., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

*Спасибо моему любимому писателю
Зотову за дружескую поддержку
при написании этого цикла.*

ПРОЛОГ

Разламывалась голова, под закрытыми веками вспыхивали крошечные красные взрывы, каждый раз пронзая глазные яблоки острой болью. Все тело будто побывало в мясорубке: ныла каждая клеточка и, кажется, даже волосы. Кости ломило, выкручивало, как у старика на плохую погоду. Во рту было сухо, ощущался противный привкус. Дышалось тяжело, с хрипом. В общем, Дан чувствовал себя так, словно собрался помирать. Он осторожно приоткрыл правый глаз — и тут же со стоном зажмурил: даже тусклый полумрак комнаты усиливал головную боль.

Но сознание включилось, перерабатывая полученные крохи информации. Тяжелые шторы с ламбрекенами, не пропускающие дневной свет. Возле окна — монументальный письменный стол, заваленный всякой всячиной. Кажется, там была груда бумаг, чернильница, банки, пробирки в штативе и несколько курительных трубок. Больше Дан ничего не успел заметить. Ах да, еще книжные полки и этажерка в углу, тоже из-

рядно захламленная, а рядом на комодке лежала скрипка...

Пошарив вокруг руками, он понял, что сидит в глубоком кресле. Видимо, долго в нем проспал, потому и тело затекло. Колени укрывал мягкий шерстяной плед.

Память медленно ворочалась, мысли цеплялись друг за друга — то проворачивались на месте, то замирали, как несмазанные шестеренки старого механизма.

Итак, что произошло? Он, капитан ФСБ Даниил Платонов (хотя бы в этом Дан не сомневался), участвовал в захвате офиса крупного бизнесмена и столь же матерого преступника Вадима Сенкевича. Настя, девушка Дана, тоже была там, работала под прикрытием, и конечно же, не покинула место операции. Дан загнал дельца в угол, тогда случилось что-то странное. Вспоминалось чернильное пятно, затянувшее и преступного бизнесмена, и их с Настей.

Потом оказалось, этот клоун создал пространственно-временной портал, который выкинул всех в Равенсбурге XV века — ушел от преследования, называется. Эта самая мистическая дыра перенесла их сознания в другие тела. Там были инквизиторы, ведьмы, демоны, вервольфы, костры, невинно убиенные девы, чокнутые монахи, людоеды, монстры, призраки, загадочные храмы, толпы фанатиков и Вельзевул как апофеоз всего

безумия — полный набор из фэнтези-романа. Дан, Настя и Сенкевич чудом избежали гибели.

Потом чертов олигарх снова построил портал, клятвенно обещая вернуть их домой, в родной двадцать первый век. Но то ли промахнулся, то ли нарочно так устроил — они оказались в 2300 году. На этот раз Дан попал в тело капитана космического пиратского корабля Айрона Блада по кличке Акула, Настя — в тело охотницы за головами Жасмин Ламер, а Сенкевич заделался для разнообразия хорошим парнем, адмиралом звездной эскадры Гарри Грантом. Будущее оказалось не сахарным: преследования, погони, космические бои, невыполнимая миссия на опасной планете Гамма тридцать два, заражение космическим паразитом. Когда казалось, спасения уже нет, им все же удалось вывернуться. Но зато они лишились надежды вернуться домой: у Сенкевича не было времени сделать расчеты для построения портала.

Дальше была средневековая Япония — Дан содрогнулся, вспоминая о ней. Станные обычаи, странные люди, не менее странная нечисть, размытая грань между добром и злом — все это изрядно осложняло жизнь. Там они втроем воевали с самим сёгуном Токугава, который в итоге оказался могущественным демоном нуэ, явившимся прямо из глубин японского ада — дзигоку, чтобы поработить людей, превратив их в скотину, источник мяса для нечисти.

Ярко представилась картина битвы с уродливой сущностью. Он, Дан, окровавленный слепой ронин с мечом из звездной пыли, благодаря которому и удалось справиться с демонами. Голая Настя-кицунэ с лисьими ушами и пушистым хвостом, смело дерущаяся со Снежной девой. Сенкевич в облике сурового немолодого самурая, сосредоточенно колдующий над порталом. Фиолетовая клякса в пространстве, за которой — так хотелось надеяться — был дом...

В тот раз снова все пошло не так. Появился Миямото Мусаси, который оказался вовсе не великим мечником. То есть не только мечником... И вот Дан здесь. Где именно? Прошлое вспомнилось, но настоящее, ту реальность, в которой он пребывал сейчас, пока окутывал туман.

Одно было понятно сразу: Дан опять оказался не в своем времени. Хотя на такое счастье он уже и не надеялся. Что-то не получалось с пространственно-временным порталом, и он подозревал, что Сенкевич знает об этом больше, чем говорит.

Итак, опять не дома. Это плохо. Но в достаточно цивилизованной эпохе — это хорошо. Интересно, кто он теперь? И где Настя? Впрочем, где бы она ни была, ее легко будет отыскать с помощью дедукции...

Сквозь веки проник яркий свет, вызвав новый приступ мигрени. Дан застонал, закрывая глаза

ладонью. Тут же в комнату ворвался поток прохладного свежего ветра, разгоня застоявшийся, пропахший табачным дымом воздух. Кто-то прошагал к креслу, остановился над ним и произнес с мягким укором:

— Вы губите себя. Может быть, вам стоит воздержаться хотя бы от морфина, Шерлок?

ГЛАВА 1

Дан

Шерлок?.. Уж не Холмс ли? Вспомнилось мельком увиденное в комнате: стол с бумагами, пробирками, увеличительными стеклами вполне мог принадлежать сыщику. Курительная трубка указывала на то же — Холмс везде изображался именно с такой, стильно изогнутой, классической. Да еще и скрипка...

Но позвольте, как это? Холмс ведь — вымышленный персонаж, так же как и Уотсон, и Мориарти, и все остальные герои книг Конан Дойла. Общеизвестно: великий сыщик с его дедукцией — плод воображения писателя. Невозможно, путешествуя во времени, вдруг оказаться персонажем рассказа.

Да, с Сенкевичем предстоял очень и очень серьезный разговор. Знать бы еще, где он, этот деятель от мистики... Дан резко открыл глаза и застонал: стены комнаты поехали в стороны, в виски будто кто-то загонял раскаленные иглы, руки и ноги выворачивала боль, грозившая перейти

в судороги. В животе забурлило, к горлу подступила тошнота.

Кто-то рядом сочувственно похмыкал. Дан снова зажмурился, потом осторожно, медленно разлепил веки. Долго пытался сфокусировать взгляд, наконец, когда комната перестала раскачиваться и лишь слегка подрагивала, разглядел перед собой высокого широкоплечего блондина с мягким добродушным лицом, на котором цвел нежный девичий румянец. Окруженные рыжеватыми ресницами светло-голубые глаза смотрели на Дана с искренним сочувствием. Мужчине на вид было лет тридцать — тридцать пять. На нем был идеально отглаженный клетчатый твидовый костюм, из кармана которого торчала вчетверо сложенная газета. В руке человек держал шприц аутентичного вида. Дан внезапно уверился: этот блондин — Сенкевич, он же, впрочем, доктор Джон Уотсон.

Ситуация становилась все безумнее. Закралось страшное подозрение: если он сам — Холмс, а Сенкевич — Уотсон, то кто же Настя?..

— Дорогой друг, — произнес Уотсон-Сенкевич красивым баритоном, четко артикулируя и тщательно проговаривая каждое слово, — поверьте же наконец: вы убиваете себя... — Он запнулся, румяная физиономия приобрела изумленное выражение. Потряс соломенной головой, потом выдал по-русски, но с благородным английским «р»:

— У тебя морфиновая ломка, придурок. И если не остановишься, тебе... п-п-п-п-и... му-у-у-у... п-и-и-и...

Отвечать сил не было, Дан, продолжая безвольно висеть в кресле, наблюдал, как англизированный Сенкевич пытается выговорить какое-то слово. Бедняга покраснел, на лбу выступил пот, он беспомощно пищал, мычал и брызгал слюной. У Дана даже закралось подозрение, что знаменитый доктор Уотсон страдал заиканием, просто Конан Дойл, в заботе о харизме героев, этого не упомянул. «Они ненастоящие, — одернул себя Дан. — Продукт воображения писателя. А Дойл не летописец и не биограф».

Тем временем Сенкевич, злобно сплюнув, выдал:

— ...в общем, неприличный пушной зверек тебе, человек, ведущий себя как scrotum¹...

Дан, на мгновение позабыв о страданиях, вопросительно воззрился на него.

— Кажется, я попал в тело ханжи, — сердито пояснил Сенкевич. — И его сознание очень сильно. Материться не дает, зараза, горло судорогой перехватывает, и все тут.

Дан злорадно ухмыльнулся и снова погрузился в облако болезненного полусна.

— Хорошо, Холмс, — чопорно проговорил Сенкевич. — Позвольте сделать вам инъек-

¹ Мошонка (*лат.*).

цию. Уверен, это облегчит страдания хотя бы на время... А вообще, завязывай ты с этим грязным делом, капитан! Наркоман — человек ненадежный.

Вид шприца вдруг разбудил ассоциации и приятные воспоминания. Глоток чего-то горького, затем нетерпеливое ожидание, пять минут, которые кажутся невыносимо долгими, и наконец — тепло, медленно разливающееся по всему телу. Оно вкрадчиво проникает в каждую клеточку, течет вместе с кровью и наконец захватывает мозг. Становится жарко, в душе просыпается необъяснимая радость, разум бурлит идеями и остроумными мыслями, хочется беспричинно смеяться, танцевать, совершать героические поступки, решать сложные задачи... Нет, он не кололся, но, кажется, пил что-то такое...

Это была память Холмса, и его сущность настойчиво требовала новой дозы. Хотя какая разница, подумал Дан. Даже если личность великого сыщика исчезнет, физическая зависимость тела от наркотика останется. По всему выходило, ему придется сражаться с ломкой. Ощущение сухости во рту, боль, выкручивавшая суставы, кости, сворачивавшая внутренности в тугой комок, становились невыносимыми.

— Что в шприце? — хрипло спросил Дан.

— Не то, на что ты надеешься, обдолбыш, — огрызнулся Сенкевич. — Это, дорогой Холмс,